

ИДЕОЛОГЕМА 1552 ГОДА В ПОСТСОВЕТСКОМ ТАТАРСТАНЕ: ВЕРСИЯ ЭЛИТ И МАССОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ¹

Н.И. Карбаинов

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.8>

Аннотация. *Одной из важных идеологем национальной истории, конструируемой элитами постсоветского Татарстана, является идея потерянной в 1552 г. и вновь обретенной в 1990-е годы государственности. Поэтому центральной датой национальной истории татарского народа является 1552 год — год взятия Казани войсками Ивана Грозного. В версии элит эта дата преподносится как самая трагическая страница в истории татарского народа. По результатам нашего социологического исследования можно сделать вывод о том, что идеологема 1552 года, создаваемая татарскими элитами, весьма слабо представлена в историческом сознании жителей постсоветского Татарстана. Татарские элиты достигли весьма скромных успехов в продвижении своей версии национальной истории. По результатам этого проекта можно говорить только о «частичной татаризации» или формировании отдельных «национальных анклавов».*

Ключевые слова: *элита, Татарстан, национальная история, массовые представления, историческая политика, идеология.*

ВВЕДЕНИЕ

В результате распада СССР на постсоветском пространстве наблюдается бурное развитие национальных и региональных версий исторического прошлого как в ныне независимых государствах СНГ, так и в регионах (в первую очередь республиках) Российской

¹ Статья выполнена по государственному заданию (тема «Основания и тенденции цивилизационной динамики российского общества в культуре, политике, экономике», № 0169-2015-0008).

Федерации [Национальные истории... 1999; 2009; Шнирельман 2003; Историческая политика... 2012]. Историческое прошлое выступает важным ресурсом нациестроительства и формирования национальной идентичности. (Этно)национальные версии истории во многом служат идеологическими инструментами, с помощью которых поддерживается легитимность политических элит [Андерсон 2001; Ассман 2004; Ферро 1992; Репина 2003].

В последние десятилетия элиты Татарстана были также активно вовлечены в создание национальной истории татарского народа и Татарстана [Rorlich 1999; Исхаков 1999; Davis et al. 2000; Shnirelman 1996; Шнирельман 2002; 2016; Zverev 2002; Усманова 2003; Овчинников 2010; 2015]. Одной из важных идеологем национальной истории, конструируемой элитами постсоветского Татарстана, является идея потерянной в 1552 г. и вновь обретенной в 1990-е годы государственности [Сагитова 1998; Zverev 2002; Хаким 2007]. Поэтому неслучайно, что одной из ключевых дат истории Татарстана выступает 1552 год — год взятия Казани войсками Ивана Грозного. В версии элит эта дата преподносится как самая трагическая страница в истории татарского народа.

Возникает исследовательский вопрос: каким образом версия национальной истории татарского народа (в том числе идеологема 1552 года), создаваемая интеллектуальной элитой при поддержке политических элит влияет на исторические представления простых жителей Татарстана? Мы можем встретить два альтернативных взгляда на проблему влияния татарской национальной идеологии: 1) «татаризация» и 2) «национальные анклав». В рамках первой точки зрения можно, в свою очередь, выделить еще три позиции: «татаризация сверху», «татаризация снизу» и «встречная татаризация». О «татаризации сверху» говорит Раис Сулейманов. По его мнению, в Татарстане выросло поколение молодых татар, «которое все, что ассоциируется с Россией, стремится унижить и оскорбить. Их возраст колеблется от 18 до 35 и выше, однако есть общая черта — они росли во время правления Минтимера Шаймиева, в эпоху разгула сепаратизма и борьбы “за суверенитет”. Они — это мои соплеменники, но те, кто впитал мировоззренческие установки учебников и литературы по истории Татарстана,

подготовленных местными историками, с посылом о “вечной освободительной войне татарского народа” и “русских оккупантах”. Все они приняли “философию” татарского национал-сепаратизма, которая была мейнстримом общественно-политической жизни республики того времени» [Сулейманов 2014]. Антрополог А. Фридли пишет о том, что господствующей идеологией татарстанских элит является идеология мультикультурализма и на примере татарской молодежи Казани показывает, что «татаризация города» происходит скорее снизу на различных молодежных сценах (музыкальные коллективы, группы в Интернете и т.д.) [Friedli 2012]. Антрополог Х. Фаллер рассуждает о существовании двух автономных дискурсивных миров русскоязычных и татароязычных жителей, и процесс «татаризации» происходил как сверху, так и снизу [Faller 2011]. В качестве альтернативы идеи «татаризации» предлагается идея «национальных анклавов» [Alvarez Veinguer 2007; Alvarez Veinguer, Davis 2007]. В соответствии с этой точкой зрения татарские идеологи достигли весьма скромных результатов, и их влияние распространяется лишь на «национальные анклавы» (например, татарские гимназии). Важно отметить, что сторонники обоих взглядов опираются либо на собственные экспертные оценки [Сулейманов 2014], либо на результаты антропологических исследований, проведенных с помощью качественных методов [Alvarez Veinguer 2007; Alvarez Veinguer, Davis 2007; Faller 2011; Friedli 2012]. По сути, эти две точки зрения могут выступить в качестве гипотез для количественного социологического исследования.

Цели статьи — во-первых, проанализировать исторические дискурсы татарской элиты на примере идеологемы 1552 года и, во-вторых, рассмотреть, каким образом представлена или не представлена идеологема 1552 года в массовых представлениях жителей постсоветского Татарстана.

Мы опираемся на эмпирические результаты коллективного проекта «Войны памяти» и «конвенции памяти» в постсоветском Татарстане: элитарные версии исторического прошлого и массовые представления» (Центр культурных исследований постсоциализма Казанского федерального университета при поддержке Программы развития партнерских центров Европейского университета

в Санкт-Петербурге, 2013–2014). В рамках этого проекта было проведено 170 интервью и анкетный опрос (N=1000).

Структура статьи строится следующим образом: в первом разделе мы проанализируем версию татарских элит о событии 1552 года, а во втором разделе рассмотрим массовые представления жителей постсоветского Татарстана.

ВЕРСИЯ ЭЛИТ

Создание национальной истории — один из важнейших инструментов нациестроительства (наряду с языковой и религиозной политикой) в постсоветском Татарстане [Сагитова 1998; Rorlich 1999; Davies et al. 2000; Низамова 2001; Zverev 2002; Graney 2009; Faller 2011; Derrick 2013]. Главным производителем национальной истории в Татарстане выступила татарская национальная интеллигенция при поддержке политических элит [Сагитова 1998; Davies et al. 2000; Низамова 2001; Gorenburg 2003; Понарин, Жирков 2013].

Важно отметить, что для поля татарской национальной идеологии характерна конкуренция различных течений и идей, в первую очередь между умеренными и радикальными националистами [Мухаметдинов 2006]. Победителями в этой идеологической борьбе при поддержке республиканских политических элит в начале 1990-х годов стали и остаются по настоящее время умеренные татарские националисты. Именно они создают ключевые идеологемы официально поддерживаемой властями республики национальной идеологии Татарстана, в том числе национальной истории. Можно выделить следующие составные части этой идеологии: 1) балансирование между татарским этнонационализмом и гражданским национализмом («татарстанизмом»); 2) пантатаризм, или идея татарского мира; 3) идея потерянной в 1552 г. и вновь обретенной в 1990-е годы государственности; 4) исламоцентризм; 5) евразийство; 6) тюркизм [Карбаинов 2018].

Основными производителями и трансляторами национальной истории являются Институт истории Академии наук Татарстана, Казанский федеральный университет и другие научные и учебные заведения (в том числе татарские национальные гимназии) [Alvarez

Veinguer 2007; Alvarez Veinguer, Davis 2007], Министерство образования и науки РТ, издательства, музеи и т.д. [Усманова 2003; Гилязов 2003; Graney 2009]. Ключевыми каналами трансляции идеологических дискурсов (включая исторические) в массовое сознание населения республики являются СМИ (газеты, телевидение) [Сагитова 1998; Сагитова 2003; Davies et al. 2000; Низамова 2001], учебные курсы по истории в средней и высшей школе [Гибатдинов 2003; Гилязов 2003; Мухарямова, Андреева 2013], публичные места, музейные экспозиции и архитектура [Graney 2009; Faller 2011; Kinossian 2012].

Одной из ключевых идеологем национальной истории, создаваемой элитами Татарстана, является идея потерянной в 1552 г. и вновь обретенной в 1990-е годы государственности [Сагитова 1998; Zverev 2002; Хаким 2007]. По мнению Р. Хакимова, история государственности является «стержневой проблемой» татарской истории [Хаким 2007: 236]. В рамках этой идеологемы 2 (15) октября 1552 года — день взятия Казани войсками Ивана Грозного — центральная дата национальной истории Татарстана. В версии элит эта дата преподносится как самая трагическая страница в истории татарского народа.

Начиная с 1990 г. в Казани сторонниками радикальных националистических татарских организаций (ВТОЦ, партии «Иттифак», «Азатлык», Татарского патриотического фронта «Алтын Урда» и др.) ежегодно в середине октября отмечается «День памяти» («Хэтэр коне»), посвященный павшим в 1552 году защитникам Казани. Так, в одном из обращений Всетатарского общественного центра (ВТОЦ) мы можем найти идеологическое обоснование этой даты: *«Это день преклонения перед мужеством и стойкостью всех, кто героически защищал нашу землю и принял мученическую смерть, защищая Казань в 1552 году. Проведение Дня Памяти — это не пир-ар-акция. В этот день немногочисленные патриоты нашего народа воздают дань уважения своим славным предкам, создавшим процветающее цивилизованное татарское государство. Каждый уважающий себя татарин и татарка, должны помнить свою историю, важные события прошлого, в том числе героическую защиту своего независимого государства и его столицы — города Казани <...>*

В этот день мы становимся ближе и сплоченней, еще четче понимаем, как много общего у разных поколений жителей Татарстана. Этот день — источник жизненной и нравственной силы нашего народа. И эта сила помогает нам идти вперед и побеждать трудности <...> у нас татар День Памяти должен быть днем всеобщего траура и в календаре должен официально отражаться как День Памяти» [15 октября отмечают ... 2010].

Первоначально «День памяти» проходил на территории Казанского кремля при скрытой поддержке правящей элиты Татарстана, но после подписания в 1994 г. Договора о разграничении полномочий с Москвой, правящая элита стала все больше дистанцироваться от этого события. Если в начале 1990-х годов на митинг, посвященный «Дню памяти» собирались тысячи человек, то в 2000–2010 гг. в этой акции принимали участие не больше трехсот человек. Например, по нашим личным наблюдениям, на митинге 11 октября 2014 г. присутствовало не более 100 человек (по информации радио «Азатлык». 500 человек, но это завышенная цифра). Но даже если бы участвовали все 500, то это немного для всей Казани, в которой проживают 542 тысячи татар. Также важно отметить, что если раньше акция начиналась на площади Свободы, после этого митингующие маршем проходили до Казанского кремля и заканчивали акцию проведением намаза у башни Сююмбике, то в последние годы им запретили проводить собрания на территории Казанского кремля.

Одним из важных требований радикальных националистов, которое они озвучивали, в том числе на митингах, посвященных «Дню памяти», было «возведение достойного памятника героическим защитникам Казани и нашей государственности». Это требование до сих пор так и осталось невыполненным. В то же время правящая элита Татарстана реализовала проект, связанный с идеологией 1552 года, а именно возведение («воссоздание») на территории Казанского кремля соборной мечети Кул Шариф. Мечеть была названа в честь руководителя обороны Казани в 1552 г. сеида Кул Шарифа. Как отмечает М. Дэррик, в 1990-е годы мечеть Кул Шариф в дискурсе элит рассматривалась как символ татарской нации и возрождения татарской государственности. В 2000-е годы,

по его мнению, происходит перефреймирование символики мечети Кул Шариф. Она становится символом мирного сосуществования религий и гражданского национализма («татарстанизма») [Derrick 2013].

Идеологема 1552 года также нашла отражение в учебной литературе для средней и высшей школы, научно-популярной литературе, в источниках СМИ и Интернете. Можно выделить несколько ключевых компонентов идеологемы. Во-первых, это светлый образ процветающего Казанского ханства до присоединения к Московскому государству. В рамках этого образа Казанское ханство описывается как оплот татарской государственности с высоким уровнем развития экономики и культуры. Во-вторых, трагический и в то же время героический образ осады и падения Казани в 1552 г. В-третьих, трагические последствия взятия Казани в 1552 г. войсками Ивана Грозного для татарской государственности и татарского народа. В рамках идеологемы 1552 года имеются свои герои (сеид Кул Шариф — руководитель обороны Казани, царица Сююмбике) и антигерои (Иван Грозный, Шах-Али). Трехкомпонентная структура идеологемы 1552 года является общим местом для нарративов как радикальных, так и умеренных татарских националистов. Разница только в эмоциональной насыщенности нарративов. Радикальные националисты склонны к большей идеализации истории Казанского ханства и дают однозначно негативные оценки падения Казани, при этом подробно описывают трагические детали взятия города, так, как будто они сами были непосредственными свидетелями этого, безусловно, печального события. Последствия падения Казани для татарского народа радикалы однозначно описывают исключительно в черном цвете. Для умеренных националистов характерен меньший градус эмоциональности. Они дают более взвешенные оценки исторического события. Далее рассмотрим каждый из компонентов этой идеологемы более подробно.

Истории Казанского ханства до падения Казани в 1552 г. дают исключительно позитивные оценки. Казанское ханство было «Страной городов» и «Краем изобилия» [Хамидуллин 2016]. Как пишет Б. Хамидуллин, «оно являлось крупным и экономически развитым государством, играло существенную роль в этносоциальной и

культурно-экономической истории Волго-Уральского региона, серьезную роль в политической жизни Восточной Европы и Западной Сибири» [Хамидуллин 2016]. По мнению авторов учебного пособия для средней школы, «уровень жизни казанцев был довольно высок. Это создавало Казани славу богатого города, имевшего ярко выраженный восточный облик» [Гилязов и др. 2008: 77].

«Эпоха процветания» для татарского народа закончилась после завоевания Казанского ханства войсками Ивана Грозного. Эта война описывается исключительно в трагических тонах. Главным же апофеозом этого вторжения стала героическая оборона и трагическое падение Казани в 1552 г. О героизме защитников Казани Нурулла Гариф в своей книге «Освободительная война татарского народа» пишет следующим образом: *«Казанцы были полны непреклонной решимости отстаивать свою независимость до последней капли крови. Предложения врага сдать город были отвергнуты, и правительство, и жители города были готовы стоять насмерть за свою Родину» [Гариф 2007: 13].* В качестве еще одного примера героического образа защитников Казани можно привести следующий отрывок из учебного пособия для средней школы: *«После почти целого месяца непрерывных боев защитникам был предъявлен ультиматум — сдать город без сопротивления. Казанцы ответили: “Не покоримся, на стенах и башнях находится Русь. Но мы другую стену поставим, да все помрем, или отсидимся”» [Гилязов и др. 2008: 89].*

Наиболее ярко описываются кровавые подробности взятия Казани: *«Казань пала. Иван IV повелел всех оставшихся в живых мужчин истребить, женщин и детей взять в плен. По давно принятой среди победителей традиции город был отдан воинам на разграбление. Вскоре по московской дороге потянулись обозы с казанским добром, которому, как писал очевидец, не было числа» [Гилязов и др. 2008: 90]. Или другой пример: «Казань пала. В 3 часа дня в город въехал на коне Иван IV. Кругом валялись сотни и тысячи убитых, кровью были залиты улицы. Победители устроили в городе настоящий погром: убивали мужчин, грабили дома и мечети, насиловали женщин. День 2 октября 1552 года навсегда вошел в память татарского народа как черный день национальной катастрофы, день скорби» [Рашитов 201: 113].*

Падение Казани в 1552 г. с точки зрения татарских националистов привело к негативным долгосрочным последствиям для татарской государственности и татарского народа. Как пишут авторы учебного пособия, *«неоднозначными, противоречивыми были последствия завоевания Казанского ханства для его многонационального населения. Татары лишились своего государства, что стало для них катастрофой. Вместе с ним они утратили и свое доминирующее экономическое и политическое положение. Татары оказались в составе совершенно нового государства с иной культурой, иной верой, иным образом жизни, стали зависимым, подчиненным народом. В ходе “Казанского взятия”, освободительной борьбы намного сократилась их численность. Общим результатом явилось замедление политического, экономического и культурного развития татарского народа. Негативное значение имели другие обстоятельства. Во-первых, татарский народ вследствие завоевания практически полностью лишился своей городской прослойки, был вытеснен в сельскую местность. Из истории известно, что города, городское население играют особую цивилизационную роль. Во-вторых, новая власть последовательно создавала условия для постепенного разложения и исчезновения татарского феодального класса. Самые активные ее противники были сразу же физически уничтожены или изгнаны, лишившись всех своих богатств. Между тем в условиях средневекового общества именно феодалы-землевладельцы являлись его наиболее организованной, грамотной и просвещенной частью. Лояльные татарские феодалы утратили свои национальные корни, не были самостоятельной силой. В результате целенаправленной правительственной политики татары стали подвергаться сильному и жесткому давлению в сфере религии и национальной культуры. Серьезные ограничения существовали в праве передвижения и местожительства. Иными словами, татарский народ в Русском государстве начал испытывать национально-религиозный гнет»* [Гилязов и др. 2008: 96–97].

В результате падения Казани в 1552 г. была разрушена татарская государственность, нанесен большой удар по материальной и духовной культуре татарского народа: *«Да, драматические события 2 октября 1552 года, а чуть позднее (в 1556 году) завоевание*

русскими войсками Астраханского ханства, надолго прервали многовековую традицию государственности тюрко-татарского населения Поволжья, непрерывно функционировавшей как минимум со времен возникновения Хазарского каганата и Волжской Булгарии, то есть с середины VII века, а также существенно приостановили развитие материальной и духовной культуры татар. В октябре 1552 года был разрушен один из цветущих центров средневековой татарской цивилизации, ей был нанесен колоссальный урон!» [Хамидуллин 2016].

Таким образом, несмотря на то что правящие элиты Татарстана все больше дистанцируются от оценок прошлого, которые дают радикальные националисты, идеологема 1552 года занимает важное место в национальной татарской идеологии, что находит, например, отражение на страницах учебных пособий для средней и высшей школы. В следующем разделе мы на примере идеологема 1552 года рассмотрим, каким образом влияет или не влияет версия истории татарской элиты на массовые исторические представления жителей Татарстана.

МАССОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

В этом разделе мы обратимся к анализу социологических данных, полученных в ходе проекта «Войны памяти» и «конвенции памяти» в постсоветском Татарстане: элитарные версии исторического прошлого и массовые представления» с помощью методов интервью (N=170 информантов) и анкетного опроса жителей Казани (N=1000 респондентов). Анкетный опрос был проведен в мае 2014 г. на основе репрезентативной выборки, в которой пропорционально представлены основные группы населения города по критерию этничности, пола, возраста и образования. Интервью проводились как с экспертами (профессиональными историками, политическими активистами и т.д.), так и с простыми жителями Казани. Исходя из целей статьи обратимся к анализу интервью, проведенных с представителями последней группы. В ходе интервью мы не задавали конкретных вопросов ни по истории падения Казани в 1552 г., ни по другим историческим событиям и эпохам.

Интервьюеру необходимо было узнать у информанта его представления о «нашей истории» и ее оценку. Предполагалось, что информант самостоятельно выберет то, что для него является «нашей историей». В этом случае информант сам идентифицировал себя как часть «воображаемого сообщества» (государства, той или иной этнической или социальной группы). Кто-то из информантов выбирал в качестве «нашей истории» историю России и (или) СССР, кто-то — историю Татарстана и (или) татарского народа, для кого-то важна была история своего города.

Начнем с анализа интервью. Только в 15 интервью, проведенных с простыми жителями Татарстана, информанты говорят о таком историческом факте, как взятие Казани Иваном Грозным. Интересно отметить, что нарративы, связанные с 1552 г. в основном сконцентрированы вокруг двух исторических фигур — Ивана Грозного и царицы Сююмбике. Нередко о взятии Казани просто упоминают как об историческом факте без каких-либо эмоциональных оценок. В то же время встречаются нарративы, в которых отчасти воспроизводится идеологема 1552 года, конструируемая элитами. Так, информант, отвечая на вопрос о «несправедливых правителях» в «нашей истории» говорит об Иване Грозном и в качестве одного из примеров его «несправедливости» приводит взятие Казани: *«Хорошо, а какие правители были самыми несправедливыми на твой взгляд? — Иван Грозный, наверное. — А почему? Р: почему? ну он ведь деспот был, тиран и если читать по учебникам там верить допустим, там рассказывают вплоть до того, что у него были психические заболевания он там развлекался тем, что сажал своих холопов на кол и так далее и тому подобное. Сам по себе как человек он был ненормален, как можно было такого человека оставлять на престоле? И: то есть, как правитель он тоже был несправедлив? Р: наверное, да, ну хотя там с его правлением связаны такие события в истории, как завоевание, взятие Казани»* [ВПМ-2].

С точки зрения некоторых информантов Иван Грозный также «виноват» в насильственной христианизации татарского народа: *«С приходом Ивана Грозного, началась насильственная христианизация. До Ивана Грозного, когда мы жили, предки наши в период Зо-*

лотой орды, когда они правили каганатами своими, Хазарский каганат, когда расцвет государства, у нас всё развивалось тогда» [БВ-1]. «Трагический, на мой взгляд, — это во время правления Ивана Грозного, потому что это, грубо говоря, на самом деле насилие. Это запрет на постройку мечетей, на религию, на свободу выбора... Насколько я знаю. Он считал, что единая религия поможет укрепить народ, и единое государство, и все в этом роде. И именно поэтому, он запретили ислам <...> И трагизм в том, что человек не имел свободу свою. Многие татары были тоже переименованы на русские имена. Вот. В общем, татары были ущемлены. И мне кажется, что это и есть самый трагический период в нашей истории» [БТ-10].

Только в одном интервью упоминается День памяти: «Он связан с днем взятия Казани, где-то его называют Хэтэр коне или день памяти воинов, погибших при защите Казани. Никакие власти официальные его не поддерживают, проводятся татарскими общественными организациями, приезжают с востока республики, на востоке настроения такие более национально озабоченные. Не скажу, что сепаратистские, просто о том, что татарская среда она очень здоровая и имеющая место быть» [ВПМ-4].

Интересно отметить, что если для национальной истории, создаваемой татарскими элитами, характерна идея исторической преемственности между Казанским ханством и современным Татарстаном, то некоторые информанты исходят из того, что взятие Казани в 1552 г. привело к историческому повороту, разрыву исторической преемственности: «А взятие города Иваном Грозным — это важный поворот, пусть на казанском престоле сидели ставленники московские, касимовские или крымско-татарские, но знать была своя, это развитие шло-шло-шло и обрубилось, сегодня очень мало письменных источников никаких, очень мало археологи, единичная такая, на самом деле произошел поворот <...> Поэтому мне кажется, Казань сегодняшняя, они никак не наследует Казань ханскую, поэтому это века в жизни, важное такое событие» [ВПМ-4]. Также в одном из интервью в качестве начала «нашей истории» указывает взятие Казани Иваном Грозным: «А с какого момента начинается наша история, события, периода? Для

меня, наверное, все-таки, потому что об этом хоть какое-то имеешь представление — это Иван Грозный, захват Казани. Когда Казанское ханство уже территорией России была, в составе Руси, скажем так, потому что до этого я не знаю, как они жили» [ВПМ-10]. Получается, что информант в этом интервью ничего не знает о «процветающем» Казанском ханстве до взятия Казани. Как мы уже писали в предыдущем разделе, светлый образ процветающего Казанского ханства — важный компонент идеологемы 1552 года, конструируемой татарскими элитами.

Если татарские элиты пытаются актуализировать событие 1552 г. для настоящего времени, то некоторые информанты говорят о взятии Казани как о единичном событии далекого прошлого, которое уже никак не связано с сегодняшним днем: «Более существенно надо обсуждать отношения татар с русскими. Один раз произошел захват Казани, на самом деле, как говорил один мой друг — татары уже давно друзья с русскими, это уже факт, какой национализм, национализм? Национализм при этом не может существовать. То есть русские были одно время врагами, ну и ладно. Все остальное время жили вместе и существовали вместе. Еще же при царской России началось полосное заселение, что деревня одна русская, потом татарская. Это идет уже 200 лет, существует такое вот общее существования, русскими нельзя назвать врагами, поэтому те русские, которые живут в Татарстане, очень много переняли у татар, и наоборот, естественно. То же существование кряшен, крещеных татар, это же не насильно происходило, люди сами себе выбирали. Было время, когда было насильное крещение, но были и те, кто сам выбирал себе православие вместо ислама. Или те же русские, которые проникались исламом, и такие факты есть» [ВПМ-3].

Интересно также отметить, что в нарративах интервью, посвященных 1552 г., встречаются мифологические сюжеты или просто незнание информантами фактов истории. Так, в одном интервью информант дает своеобразную трактовку истории татарского народа: «Первый период, когда татары-булгары вели кочевой образ жизни, затем они решили уже осесть на этой территории, освоили нашу территорию, затем пошло становление государства Волж-

ская Булгария с ее расцветом, спадом, междоусобными войнами. Через какое-то время появляется уже Казанское ханство. Оно также в течение нескольких лет существует, завоевывается Золотой ордой в последующем, после снятия монгольского ига образовался суверенитет, в течение нескольких лет развивается и цветет, затем уже завоевывается Иваном Грозным. С этого периода самый мрачный период для Казанского ханства. В течение нескольких десятилетий был спад. В 90-е годы получает суверенитет Татарстан в Российское время, был такой мнимый суверенитет, сейчас мы уже в современном периоде, вот так вот как-то» [ВПМ-9]. В этой версии истории мы можем увидеть частичное воспроизводство элитной идеологии 1552 года, например когда информант говорит о том, что Казанское ханство «развивается и цветет», а с завоевания Иван Грозного начинается «самый мрачный период». Но при этом Казанское ханство, с точки зрения информанта, уже подвергалось агрессии со стороны Золотой орды и боролось за свой суверенитет против монгольского ига.

Еще несколько примеров мифологизации 1552 года связано с легендой о царице Сююмбике: *«Расскажи побольше, что ты знаешь об этом событии? Р: Об этом событии? То, что построил Иван Грозный для Сююмбике башню. она была дочкой хана казанского, и она уж как, ну прыгнула. И: А Сююмбике кто такая? Р: Сююмбике? Дочь хана. И: какого хана? Р: А что он для нее построил башню Сююмбике, потом с которой она прыгнула, вот. Зато что, ну как бы он бы строил не только из-за нее, то, что она просила у Ивана Грозного, чтоб он не убивал народ вот поэтому еще может даже, она просила если построишь башню, я выйду за тебя замуж, но в итоге не вышла. И: А почему не вышла? Р: Потому что не любила. И: А в итоге, что Иван Грозный сделал? Р: он ничего не сделал, ушел, по-моему,» [ВПМ-6]. «Вообще, конечно, с историей нашего народа я столкнулась в школе по программе и наиболее впечатляющей была история Ивана Грозного и Сююмбике. Она мне очень понравилась. Вот. — А можешь про нее немножко сказать? Что помнишь оттуда? — Помню оттуда, то, что Иван Грозный, в общем, это было чистого рода насилие, то, что он хотел с ней жить, жениться на ней. Она этого не хотела и, в общем, прыгнула с башни,*

которая у нас сейчас здесь в Казани — башня Сююмбике» [БТ-10]. «Ну, было Татарское ханство. Его Иван Грозный завоевал и сказал, что будете теперь мне подчиняться. Сделал подкоп и напал на Казань. — А зачем завоевал? Зачем ему это надо было? — Потому что, ему нравился народ татарский, и он хотел в жены Сююмбике» [БТ-8]. Если обратиться к историческим источникам, то царицы Сююмбике во время осады и взятия Казани войсками Ивана Грозного в городе не было и с башни она не прыгала.

Далее перейдем к анализу данных анкетного опроса. Отвечая на вопрос о наиболее интересных эпохах в истории Татарстана, значительное число респондентов выбрали Казанское ханство — 20 % (23,9 % — татары, 16,1 % — русские) (табл. 1).

Таблица 1

Наиболее интересные эпохи в истории Татарстана²

Какие эпохи в истории Татарстана наиболее интересны для вас? (не более трех вариантов ответа)	Татары N=500	Русские N=500	Всего N=1000
Волжская Булгария	40 %	28,7 %	34,3 %
Золотая Орда	20,9 %	19,1 %	20 %
Казанское ханство	23,9 %	16,1 %	20 %
Время царствования Екатерины II	14,4 %	15,7 %	15 %
История Казанской губернии в XIX в.	12,2 %	13,4 %	12,8 %
История постсоветского Татарстана	11,0 %	8,7 %	9,8 %
Древние тюркские государства Евразии (государство Хунну, Тюркский каганат)	6,9 %	7,9 %	7,4 %
Революция 1917 г. и Гражданская война 1918–1922 гг.	7,3 %	7,5 %	7,4 %

«Золотым веком» в истории Татарстана считают историю Казанского ханства 14 % респондентов (15,8 % — татары, 12,2 % — русские) (табл. 2).

² В этой таблице, как и в следующих, представлены не все варианты ответов, которые присутствовали в анкете. Варианты ответов приводятся не том порядке, в котором они стояли в анкете, а в порядке убывания.

Таблица 2

«Золотой век» в истории Татарстана

Какой период истории Татарстана, на ваш взгляд, можно назвать «золотым веком»? (один вариант ответа)	Татары N=500	Русские N=500	Всего N=1000
Настоящее время	17,2 %	17,6 %	17,4 %
Казанское ханство	15,8 %	12,2 %	14,0 %
Золотая Орда	12,6 %	13,8 %	13,2 %
Тюркский каганат	7,0 %	5,0 %	6,0 %
Волжская Булгария	6,6 %	4,6 %	5,6 %
Государство Хунну	5,0 %	4,8 %	4,9 %

Когда дело доходит до вопросов, связанных с эмоциональными оценками исторических событий, то события 1552 г. оказываются далеко не самыми важными для абсолютного большинства респондентов, несмотря на то что 1/5 часть респондентов испытывает интерес к истории Казанского ханства. Отвечая на вопрос: «Какими событиями в истории Татарстана вы гордитесь больше всего?» — 31,2% жителей Казани выбрали вариант «Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». В то же время оборона Казани в 1552 г. вызывает гордость только у 8 % жителей Казани (у 8,4 % татар и 7,7 % — русских) (табл. 3).

Таблица 3

События, которые вызывают гордость в истории Татарстана

Какими событиями в истории Татарстана вы гордитесь больше всего? (не более трех вариантов ответа)	Татары N=500	Русские N=500	Всего N=1000
Победа в Великой Отечественной войне	28,7 %	34,3 %	31,5 %
Универсиада в Казани в 2013 г.	27,7 %	31,1 %	28,9 %
Основание Казани	22,2 %	22,8 %	22,5 %
Открытие Казанского университета	18,2 %	21,2 %	19,7 %
Избрание М.Ш. Шаймиева президентом РТ в 1991 г.	16,0 %	11,5 %	13,7 %

Образование Волжской Булгарии	12,5 %	12,3 %	12,4 %
Принятие ислама	14,3 %	4,2 %	9,3 %
Оборона Казани 1552 г.	8,5 %	7,7 %	8,1 %
Провозглашение суверенитета Республики Татарстан в 1990 г.	7,3 %	8,5 %	7,9 %
Образование Казанского ханства	2,6 %	4,8 %	3,7 %

Отвечая на вопрос: «Какие события вы считаете самыми трагическими в истории Татарстана?» — 34,2 % жителей Казани и 32 % казанцев-татар выбрали вариант «Великая Отечественная война 1941–1945 годов». Войну в Афганистане указали 16,6 % казанцев и 14,8 % казанцев-татар. В то же время падение Казани в 1552 г. считают трагической страницей в истории Татарстана только 8,8 % казанцев и 11,6 % казанцев-татар (табл. 4).

Таблица 4

Трагические страницы истории Татарстана

Какие события и эпохи вы считаете самыми трагическими в истории Татарстана? (не более трех вариантов ответа)	Татары N=500	Русские N=500	Всего N=1000
Великая Отечественная война 1941–1945 гг.	32,3 %	37,1 %	34,7 %
Война в Афганистане	15,1 %	19,0 %	17,0 %
Война в Чечне	13,7 %	16,3 %	15,0 %
Гонения на мусульман в XVI–XVIII вв.	14,9 %	12,2 %	13,6 %
Революция 1917 г. и Гражданская война 1918–1922 гг.	11,1 %	13,3 %	12,2 %
Сталинские репрессии	11,1 %	14,1 %	12,6 %
Падение Казани в 1552 г.	11,7 %	6,1 %	8,9 %
Сворачивание суверенитета Татарстана в 2000-е годы	5 %	4,1 %	4,6 %
Распад СССР	9,5 %	8,2 %	8,8 %
Распад Тюркского каганата	1,8 %	1,2 %	1,5 %

Еще можно привести данные по оценке роли Ивана Грозного. Так, отвечая на вопрос: «Как вы оцениваете роль следующих исторических личностей в истории Татарстана?» — 36 % казанцев и 34,2 % казанцев-татар считают, что Иван Грозный сыграл положительную роль в истории Татарстана.

Таким образом, по результатам нашего социологического исследования можно сделать вывод о том, что идеологема 1552 года, создаваемая татарскими элитами, весьма слабо представлена в историческом сознании жителей постсоветского Татарстана. Татарские элиты достигли весьма скромных успехов в продвижении своей версии национальной истории. По результатам этого проекта можно говорить только о «частичной татаризации» или формировании отдельных «национальных анклавов».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении мы попробуем ответить на следующий вопрос: почему идеологема 1552 года малозначима для простых жителей Татарстана? Первая причина ее не востребованности — бесполезность образов «далекой истории» в повседневной жизни. В 2001 г. казанский социолог Е.А. Бондаренко сделала вывод о том, что для жителей Татарстана более значимы политические компоненты общественной жизни, чем историко-культурные символы [Бондаренко 2001]. Другими словами, обычные люди живут больше настоящим, чем историческим прошлым. С этим выводом согласуются результаты проекта «“Войны памяти” и “конвенции памяти” в постсоветском Татарстане». В том случае если историческое прошлое имеет значение для некоторых людей, то более значимыми являются события недавнего прошлого. В Татарстане, например, более востребована и эмоционально окрашена близкая история XX в. (например, события Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.), чем далекая средневековая история. Этот факт можно также объяснить тем, что в трансляции истории XX — начала XXI в. задействованы не только институты культурной памяти, но и коммуникативная память, передающаяся в устной форме на протяжении 3–4 поколений [Ассман 2004].

Вторая важная причина состоит в том, что, несмотря на доминирование в Татарстане на элитарном уровне, татарская национальная идеология не выдерживает конкуренции на уровне массовых представлений с исторической идеологией, создаваемой в первую очередь в Москве и Санкт-Петербурге. Например, память о Великой Отечественной войне является ключевым элементом исторической идеологии современной России. Данная идеология активно транслируется с помощью системы образования и СМИ в массовое сознание. Татарские элиты не выдерживают конкуренции за умы с федеральными элитами. Особенно сложно стало конкурировать с ними после начала политики сворачивания суверенитета Татарстана начиная с 2000-х годов.

При этом важно отметить, что это не означает, что у идеологема 1552 года нет будущего в Татарстане. При определенных политических условиях (например, при ослаблении федерального центра и соответственно при усилении региональных элит) идеологема 1552 года может быть использована для целей татарских элит и успешно ими инкорпорирована в историческое сознание татарстанцев.

Литература и источники

15 октября отмечают День памяти татарского народа // сайт «MaryUver». 4.10.2014. URL: <https://mariuver.com/2010/10/04/den-pamjati/> (дата обращения: 17.12.2018).

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001.

Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Бондаренко Е.А. Отчет по результатам обследования этнонациональной идентичности населения и сферы культурного и медиа-потребления в Татарстане // Постсоветская культурная трансформация: медиа и этничность в Татарстане / под ред. С.А. Ерофеев, Л.Р. Низамова. Казань: Изд-во КГУ, 2001. С. 234–264.

Гариф Н. Освободительная война татарского народа. Казань: Татарское книжное издательство, 2007.

Гибатдинов М.М. Преподавание истории татарского народа и Татарстана в общеобразовательной школе: история и современность. Казань: Институт истории АН РТ, 2003.

Гилязов И. Из опыта преподавания национальной истории: история татарского народа в Казанском университете — вчера и сегодня // *Ab Imperio*. 2000. № 3–4. С. 359–356.

Гилязов И.А., Пискарев В.И., Хузин Ф.Ш. История Татарстана и татарского народа с древнейших времен до конца XIX века. Учебное пособие для 10 класса средней общеобразовательной школы. Казань: Хэтер, 2008.

Историческая политика в XXI веке: сб. статей / под ред. А. Миллера и М. Липман. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

Исхаков С. История народов Поволжья и Урала: проблемы и перспективы «национализации» // *Национальные истории в советском и постсоветском государствах* / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XX, 1999. С. 273–295.

Карбаинов Н.И. Образы истории «тюркской цивилизации» в постсоветском Татарстане: элитарные версии и массовые представления // *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2018. Т. 21, № 2. С. 45–74.

Мухаметдинов Р.Ф. Идеино-политические течения в постсоветском Татарстане (1991–2006 гг.) (сопоставление с опытом Турции). Казань: Тамга, 2006.

Мухарямова Л.М., Андреева А.Р. Институционализация национальной школы в постсоветской России // *Этносоциология в Татарстане: опыт полевых исследований*. Сб. статей к юбилею Л.М. Дробизиной / под ред. Р.Н. Мусиной, Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, Л.В. Сагитовой. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С. 87–115.

Национальные истории в советском и постсоветском государствах / под ред. К. Аймермахера и Г.М. Бордюгова: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XX, 1999.

Национальные истории на постсоветском пространстве — II / под ред. Ф. Бомсдорфа и Г.М. Бордюгова: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XX, 2009.

Низамова Л.Р. Медиа-продукт и «национальная» идеология: кейс-стади Всемирного конгресса татар // *Постсоветская культурная трансформация: медиа и этничность в Татарстане* / под ред. С.А. Ерофеев, Л.Р. Низамова. Казань: Изд-во КГУ, 2001. С. 166–233.

Овчинников А.В. Кровь и плоть воображаемых сообществ: биологизация этничности в дискурсах национальных историй (по материалам постсоветского Татарстана) // *Конфликтогенный потенциал национальных историй: сб. науч. статей* / отв. ред. и сост. А.В. Овчинников. Казань: Юниверсум, 2015. С. 177–198.

Овчинников А.В. Новый подход к изучению феномена современной «национальной историографии» (на примере «истории татарского народа») // Вестник Удмуртского университета. 2010. № 1. С. 79–85.

Понарин Э.Д., Жирков К.А. Национализм этнический и политический: институциональные факторы татарского национализма в республиках Волжско-Уральского региона // Мир России. Социология. Этнология. 2013. № 3. С. 152–177.

Рашитов Ф. А. История татарского народа с древнейших времен и до наших дней. Саратов: Региональное приволжское изд-во «Детская книга», 2001.

Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М.: ГУ ВШЭ, 2003.

Сагитова Л.В. Этничность в современном Татарстане. Казань: Татполиграф, 1998.

Сулейманов Р. В «эпоху Шаймиева» в Татарстане выросло поколение, враждебное к России: мнение // Информационное агентство «Регнум». 20.08.2014. URL: <https://regnum.ru/news/1838520.html> (дата обращения: 17.12.2018).

Усманова Д. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков // Ab Imperio. 2003. № 3. С. 337–360.

Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Высшая школа. 1992.

Хаким Р.С. Тернистый путь к свободе (Сочинения 1989–2006 гг.). Казань: Татарское книж. изд-во, 2007.

Хамидуллин Б. Падение Казани... день скорби... день памяти // Сайт «Реальное время». 15.10.2016. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/45446> (дата обращения: 17.12.2018).

Шнирельман В. Идентичность и образы предков: татары перед выбором // Вестник Евразии. 2002. № 4. С. 128–147.

Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003.

Alvarez Veinguer A. (Re)Presenting Identities: National Archipelagos in Kazan // Nationalities Papers. 2007. № 35 (3). P. 457–476.

Alvarez Veinguer A., Davis H. Building a Tatar elite. Language and national schooling in Kazan // Ethnicities. 2007. Vol. 7, № 2. P. 186–207.

Davis, H., Hammond P., Nizamova L. Media, Language Policy and Cultural Change in Tatarstan: Historic vs. Pragmatic Claims to Nationhood // Nations and Nationalism. 2000. Vol. 6, № 2. P. 203–226.

Derrick M. The Tension of Memory: Reclaiming the Kazan Kremlin // *Acta Slavica Iaponica*. 2013. № 33. P. 1–25.

Faller H.M. Nation, Language, Islam: Tatarstan's Sovereignty Movement. Budapest; N.Y.: Central European University Press, 2011.

Friedli A. Tatarization of the City: Ethnocultural Youth Identity Management in Kazan, Tatarstan // *Urbanities*. 2012. Vol. 2, № 1. P. 4–17.

Gorenburg D. Minority ethnic mobilization in the Russian Federation. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Graney K.E. Of Khans and Kremfins: Tatarstan and the Future of Ethno-Federalism in Russia. Lanham: Lexington Books, 2009.

Kinossian N. Post-Socialist Transition and Remaking the City: Political Construction of Heritage in Tatarstan // *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64, № 5. P. 879–901.

Rorlich Azode-Ayse History, Collective Memory and Identity: the Tatars of Sovereign Tatarstan // *Communist and Post-Communist Studies*. 1999. Vol. 32, № 4. P. 379–396.

Shnirelman V. Who gets the past? Competition for ancestors among non-Russian intellectuals in Russia. Washington D. C.; Baltimore; L.: Woodrow Wilson Center Press, Johns Hopkins University Press, 1996.

Zverev A. 'The Patience of a Nation is Measured in Centuries'. National Revival in Tatarstan and Historiography // *Secession, History and the Social Sciences* / eds. B. Coppeters and M. Huysseune. Brussels: VUB Brussels University Press, 2002. P. 69–87.

Список информантов

ВПМ-2 — татарка, 25 лет, высшее образование (интервью К. Озеровой).

ВПМ-3 — татарка, 22 года, высшее образование (интервью Г. Юсуповой).

ВПМ-4 — татарин, 26 лет, высшее образование (интервью Г. Юсуповой).

ВПМ-6 — татарин, 32 года, среднее образование (интервью К. Озеровой).

ВПМ-9 — татарка 28 лет, высшее образование (интервью Г. Юсуповой).

ВПМ-10 — татарка 43 года высшее образование (интервью Г. Юсуповой).

БВ-1 — татарка, 21 год, высшее образование (интервью Е. Смирновой).

БТ-8 — татарка, 24 года, высшее образование (интервью Р. Митрофанова).

БТ-10 — татарка, 21 год, высшее образование (интервью Р. Митрофанова).

IDEOLOGY OF 1552 IN POST-SOVIET TATARSTAN: ELITIST VERSIONS AND MASS REPRESENTATIONS

N. Karbainov

Abstract. *One of the most important ideologies of national history, constructed by the elites of post-Soviet Tatarstan, is the idea lost in 1552 and re-gained in the 1990s. statehood. Therefore, the central date of the national history of the Tatar people is 1552 — the year of the capture of Kazan by the troops of Ivan the Terrible. In the version of the elite, this date is presented as the most tragic page in the history of the Tatar people. According to the results of our sociological research, we can conclude that the ideology of 1552, created by the Tatar elites, is very poorly represented in the historical consciousness of the residents of post-Soviet Tatarstan. Tatar elites have achieved very modest success in promoting their version of national history. According to the results of this project, one can only speak of “partial tatarisation” or the formation of separate “national enclaves”.*

Keywords: *elite, Tatarstan, national history, mass representations, historical politics, ideology.*

References

- 15 oktyabrya otmechayut den pamyati tatarskogo naroda [October 15 is commemoration of the Tatar people], *Site «MaryUver»*. 4.10.2014. URL: <https://mariuver.com/2010/10/04/den-pamjati/> (available: 17.12.2018). (In Russian)
- Alvarez Veinguer A. (Re)Presenting Identities: National Archipelagos in Kazan, *Nationalities Papers*, 2007, 35 (3), pp. 457–476.
- Alvarez Veinguer A., Davis H. Building a Tatar elite. Language and national schooling in Kazan, *Ethnicities*, 2007, 7 (2), pp. 186–207.
- Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva [Imagined Community]*. Moscow: Kanon-Press-C, 2001. (In Russian)
- Assman J. *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti [Cultural Memory. Writing, Remembrance and Political Identity]*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. (In Russian)

Bondarenko E.A. Otchet po rezul'tatam obsledovaniya ehnonacional'noj identichnosti naseleniya i sfery kul'turnogo i media-potrebleniya v Tatarstane [Report on the results of the survey of ethnonational identity of the population and the sphere of cultural and media consumption in Tatarstan]. In: *Postsovetskaya kul'turnaya transformaciya: media i ehtnichnost' v Tatarstane* [Post-Soviet Cultural Transformation: Media and Ethnicity in Tatarstan]. Ed. by S.A. Yerofeev, L.R. Nizamova. Kazan: KGU Press, 2001, pp. 234–264. (In Russian)

Davis H., Hammond P., Nizamova L. Media, Language Policy and Cultural Change in Tatarstan: Historic vs. Pragmatic Claims to Nationhood, *Nations and Nationalism*, 2000, 6 (2), pp. 203–226.

Derrick M. The Tension of Memory: Reclaiming the Kazan Kremlin, *Acta Slavica Iaponica*, 2013, 33, pp. 1–25.

Faller H.M. *Nation, Language, Islam: Tatarstan's Sovereignty Movement*. Budapest; New York: Central European University Press, 2011.

Ferro M. *Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznyh stranah mira* [How to tell a history to children in different countries of the world]. Moscow: Vysshaya shkola, 1992. (In Russian)

Friedli A. Tatarization of the City: Ethnocultural Youth Identity Management in Kazan, Tatarstan, *Urbanities*, 2012, 2 (1), pp. 4–17.

Gibatdinov M.M. *Prepodavanie istorii tatarskogo naroda i Tatarstana v obshcheobrazovatel'noj shkole: istoriya i sovremennost'* [Teaching the history of the Tatar people and Tatarstan in the general education school: history and modernity]. Kazan: Institut istorii AN RT, 2003. (In Russian)

Gilyazov I. Iz opyta prepodavaniya nacional'noj istorii: istoriya tatarskogo naroda v Kazanskom universitete — vchera i segodnya [From the experience of teaching national history: the history of the Tatar people at the University of Kazan — yesterday and today], *Ab Imperio*, 2000, 3–4, pp. 359–356. (In Russian)

Gilyazov I., Piskarev V.I., Khuzin F.Sh. *Istoriya Tatarstana i tatarskogo naroda s drevnejshih vremen do konca XIX veka*. Uchebnoe posobie dlya 10 klassa srednej obshcheobrazovatel'noj shkoly [History of Tatarstan and the Tatar people from ancient times to the end of the XIX century. Textbook for the 10th grade of the secondary school]. Kazan: Heter. 2008. (In Russian)

Gorenburg D. *Minority ethnic mobilization in the Russian Federation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Graney K.E. *Of Khans and Kremains: Tatarstan and the Future of Ethno-Federalism in Russia*. Lanham: Lexington Books, 2009.

Hakim R.S. *Ternistyj put' k svobode (Sochineniya 1989–2006 gg.)* [A thorny path to freedom (Compositions 1989–2006)]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2007. (In Russian)

Iskhakov S. Istoriya narodov Povolzh'ya i Urala: problemy i perspektivy «nacionalizacii» [History of the peoples of the Volga and the Urals: problems and perspectives of “nationalization”]. In: *Nacional'nye istorii v sovetskom i postsovetskom gosudarstvakh* [National histories in Soviet and Post-Soviet States]. Ed. by Eimermacher K., Bordyugov. Moscow: Fridrih Naumann Foundation, AIRO-XX, 1999, pp. 273–295. (In Russian)

Istoricheskaya politika v XXI veke [Historical politics in the 21st century]. Ed. by Miller A., Lipman M. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. (In Russian)

Karbainov N.I. Obrazy istorii “Tyurkskoj civilizacii” v postsovetskom Tatarstane: ehлитarnye versii i massovyie predstavleniya [The History of “Turkish Civilization” in post-Soviet Tatarstan: Elitist Versions and Mass Representations], *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2018, 21(2) pp. 45–74. (In Russian)

Khamidullin B. Padenie Kazani ... den skorbi ... den pamyati [The fall of Kazan ... the day of sorrow ... the day of remembrance], *Website «Real'noe vremya»* [«Real time»]. 15.10.2016. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/45446> (available: 17.12.2018). (In Russian)

Kinossian N. Post-Socialist Transition and Remaking the City: Political Construction of Heritage in Tatarstan, *Europe-Asia Studies*, 2012, 64 (5), pp. 879–901.

Mukhametdinov R.F. *Idejno-politicheskie techeniya v postsovetskom Tatarstane (1991–2006 gg.). (Sopostavlenie s opytom Turcii)* [Ideological and political trends in post-Soviet Tatarstan (1991–2006). (Comparison with the experience of Turkey)]. Kazan: Tamga Press, 2006. (In Russian)

Mukharyamova LM, Andreeva A.R. Institucionalizaciya nacional'noj shkoly v postsovetskoj Rossii [Institutionalization of the National School in Post-Soviet Russia]. In: *Etnosociologiya v Tatarstane: opyt polevyh issledovanij. Sbornik statej k yubileyu L.M. Drobizhevoj* [Ethnosociology in Tatarstan: the experience of field research. Collection of articles for the jubilee L.M. Drobizheva]. Ed. by Musina R.N., Gabdrahmanova G.F., Makarova G.I., Sagitova L.V. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2013, pp. 87–115. (In Russian)

Nacional'nye istorii na postsovetskom prostranstve — II [National History in Post-Soviet Spase-II]. Ed. by Bomsdorf F., Bordyugov G. Moscow: Fridrih Naumann Foundation, AIRO-XX, 2009. (In Russian)

Nacional'nye istorii v sovetskom i postsovetskom gosudarstvakh [National histories in Soviet and Post-Soviet States]. Ed. by Eimermacher K., Bordyugov G. Moscow: Fridrih Naumann Foundation, AIRO-XX, 1999. (In Russian)

Nizamova L.R. Media-produkt i “nacional'naya” ideologiya: kejs-stadi Vsemirnogo kongressa tatar [Media product and “national” ideology: the case-study of the World Congress of Tatars]. *Postsovetskaya kul'turnaya transformaciya: media i etnichnost' v Tatarstane* [Post-Soviet Cultural Transformation: Media and Ethnicity in Tatarstan]. Ed. by S.A. Yerofeev, L.R. Nizamova. Kazan: KGU Press, 2001, pp. 166–233. (In Russian)

Ovchinnikov A.V. Krov' i plot' voobrazhaemyh soobshchestv: biologizaciya etnichnosti v diskursah nacional'nyh istorij (po materialam postsovetskogo Tatarstana) [The blood and flesh of imaginary communities: the biology of ethnicity in the discourses of national histories (based on the materials of post-Soviet Tatarstan)]. *Konfliktogennyj potencial nacional'nyh istorij* [Conflictogenic potential of national histories]. Ed. by A.V. Ovchinnikov. Kazan: Universum, 2015, pp. 177–198. (In Russian)

Ovchinnikov A.V. Novyj podhod k izucheniyu fenomena sovremennoj «nacional'noj istoriografii» (na primere «istorii tatarskogo naroda») [A new approach to the study of the phenomenon of modern “national historiography” (on the example of “the history of the Tatar people”)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of the Udmurt University], 2010, 1, pp. 79–85. (In Russian)

Ponarin E.D., Zhirkov K.A. Nacionalizm etnicheskij i politicheskij: institucional'nye faktory tatarskogo nacionalizma v respublikah Volzhsko-Ural'skogo regiona [Ethnic and political nationalism: institutional factors of Tatar nationalism in the republics of the Volga-Ural region], *Mir Rossii* [Universe of Russia], 2013, 3, pp. 152–177. (In Russian)

Rashitov F.A. *Istoriya tatarskogo naroda s drevnejshih vremen i do nashih dnei* [History of the Tatar people from ancient times to our days]. Saratov: Regionalnoe privolzhscoe izdatelstvo «Detskaya kniga», 2001. (In Russian)

Repina L.P. *Kul'turnaya pamyat' i problemy istoriopisaniya (istoriograficheskie zametki)* [Cultural memory and the problems of historiography (historiographical notes)]. Moscow: GU VSHE, 2003. (In Russian)

Rorlich Azode-Ayse. History, Collective Memory and Identity: the Tatars of Sovereign Tatarstan, *Communist and Post-Communist Studies*, 1999, 32 (4), pp. 379–396.

Sagitova L.V. *Etnichnost' v sovremennom Tatarstane* [Ethnicity in modern Tatarstan]. Kazan: Tatpoligraf, 1998. (In Russian)

Shnirelman V. Identichnost' i obrazy predkov: tatory pered vyborom [Identity and images of ancestors: Tatars before the choice], *Vestnik Evrazii* [Acta Eurasica], 2002, 4, pp. 128–147. (In Russian)

Shnirelman V. *Who gets the past? Competition for ancestors among non-Russian intellectuals in Russia*. Washington D. C., Baltimore, London: Woodrow Wilson Center Press and Johns Hopkins University Press, 1996.

Shnirelman V.A. *Vojny pamtyati. Mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e* [*The war of memory. Myths, identity and politics in Transcaucasia*]. Moscow: Akademkniga, 2003. (In Russian)

Suleimanov R. V ehpohe Shajmieva v Tatarstane vyroslo pokolenie vrazhdebnoe Rossii: mnenie [In the “era of Shaimiev” in Tatarstan, a generation hostile to Russia grew up: an opinion], *Informacionnoe agentstvo «Regnum»*, 20.08.2014. [*News agency «Regnum»*], URL: <https://regnum.ru/news/1838520.html> (available: 17.12.2018). (In Russian)

Usmanova D. Sozdavaya nacional'nuyu istoriyu tatar: istoriograficheskie i intellektual'nye debaty na rubezhe vekov [Creating the national history of the Tatars: historiographical and intellectual debates at the turn of the century], *Ab Imperio*, 2003, 3, pp. 337–360. (In Russian)

Zverev A. 'The Patience of a Nation is Measured in Centuries'. National Revival in Tatarstan and Historiography. In: *Secession, History and the Social Sciences*. Ed. by Coppieters B., Huysseune M. Brussels: VUB Brussels University Press, 2002, pp. 69–87.